

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

2₍₁₉₎
ОСЕНЬ — ЗИМА
2013

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Хилйат ал-куттаб» («Талисман для *каاتبов*»): секреты мастерства средневековых *каاتبов*. Вступление, перевод с персидского яз. и комментарии *Б.В. Норика* 5
- «Диван» курдского поэта Джафаи (XIX–XX вв.) на диалекте горани. Транскрипция текста, образцы перевода *З.А. Юсуповой* 18
- Тангутский погребальный обрядник из собрания тангутского фонда ИВР РАН. Предисловие и перевод *К.М. Богданова* 44

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Л. Хосровев*. Еще раз о ПῚΡΟΤ (*ЕвИуд* 33.18–21) 56
- Р.В. Ким*. Логии в синоптических Евангелиях. Постановка проблемы 62
- А.Б. Куделин*. «Коллективный иснад» как фактор композиции «Жизнеописания Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама 75
- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западносемитского письма: события и люди I. Пальмирские тексты в Риме в XVI в.: кардиналы-меценаты и ученые-антиквары 100
- М.Е. Кравцова*. О семантике названия трактата «Вэнь синь дяо лун» Лю Се 126
- И.С. Гуревич*. «Сутра Шестого Патриарха»: ресурсы грамматической стилистики 137
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийский эпос «Махабхарата»: некоторые особенности содержания 148

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А.К. Муминов*. Списки «Ката'иб а'лам ал-ахйар»: новые сведения для биографии и творчества Махмуда ибн Сулаймана ал-Кафави 159
- Ф.О. Нофал*. К вопросу о «конфессиональной» коранической текстологии: между «буквой» и «[вариантом] прочтения» 177
- М.С. Пелевин*. Топонимика и локализация действия в афганской племенной хронике (XVII–XVIII вв.) 182

«Наука»
Издательская фирма
«Восточная литература»
2013

	<i>И.Н. Медведская.</i> Копьеносец из Сялка: прямоугольные щиты на Древнем Востоке	192
	<i>Чжан Хуэймин.</i> Изображение горы Утайшань в пещере № 61 и его отражение в тексте «Оды горе Утайшань» (на французском языке)	203
	КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ	
	<i>С.М. Якерсон.</i> Еврейская средневековая книга в форме свитка. К постановке проблемы научного изучения	233
	<i>Валравенс Хартмут.</i> Японские книги из коллекции Вильгельма Грубе, приобретенные им в 1897–1898 гг. (на немецком языке)	240
	<i>Пэн Сян-цзянь, Ю.С. Мыльникова.</i> Китайское тангутоведение в начале XXI века	257
	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
	<i>М.М. Юнусов.</i> Чтения, посвященные памяти О.Д. Берлева	266
	<i>И.Ф. Попова.</i> «Сергей Федорович Ольденбург — ученый и организатор науки». Международная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения академика С.Ф. Ольденбурга	271
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Средний Восток в годы Второй мировой войны. К 70-летию Тегеранской конференции (28.11.1943 — 01.12.1943)»	276
	<i>Д.А. Носов.</i> Международный конгресс «Фольклор монгольских народов: историческая действительность» (Элиста, Калмыкия, 2–5 октября 2013 г.)	279
	<i>М.А. Редина.</i> Конференция, посвященная 85-летию чл.-кор. РАН, д.и.н. М.А. Дандамаева	282
	<i>А.В. Зорин, А.А. Сизова.</i> Вторые петербургские тибетологические чтения	284
	<i>А.И. Колесников, О.А. Воднева, З.А. Юсупова.</i> Международная конференция «Чтения памяти В.Ф. Минорского (1877–1966): Источниковедение и историография стран Ближнего и Среднего Востока»	287
	<i>И.В. Кульганек.</i> XIII Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»	292
	<i>И.В. Базиленко.</i> Международная конференция «Династия Романовых и Восток. (К 400-летию Дома Романовых)»	295
	<i>К.Г. Маранджян.</i> Международная конференция «Азия и японская идентичность»	300
	<i>Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.</i> Седьмые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга	303
	<i>С.Л. Бурмистров.</i> 30-я конференция по философской компаративистике «Компаративная история философии как научное познание и художественное творчество».	306
	РЕЦЕНЗИИ	
На четвертой сторонке обложки:	Наука и буддизм: материалы научной конференции с участием иностранных ученых (Улан-Удэ–Байкал: 6–8 июля 2012 г.). Сборник докладов / Гл. ред. Б.В. Базаров / Учреждение РАН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии». — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — 304 с. (<i>И.В. Кульганек</i>)	310
Тангутский погребальный обрядник инв. № 4084 (к статье К.М. Богданова)	Монголика-Х: Сб. ст. / Ред. колл.: И.В. Кульганек (председатель), Л.Г. Скородумова, Н.С. Яхонтова — СПб.: Петербургское Востоковедение. 2013. — 144 с. (<i>М.П. Петрова</i>)	313
Над номером работали:	<i>Michail Rodionov, Hanne Schönig.</i> The Hadramawt Documents, 1904-51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Beirut, Ergon Verlag Würzburg, 2011. — 342 p. (Beiruter Texte und Studien. Hrsg vom Orient-Institut Beirut. Bd 130) (<i>И.В. Герасимов, О.Б. Фролова</i>)	315
Т.А. Аникеева	<i>А.И. Колесников.</i> Сасанидский Иран: История и культура. СПб.: Нестор-История, 2012. — 520 с. (<i>Ю.А. Иоаннесян</i>)	319
Г.Е. Ковтунович	IN MEMORIAM	
А.А. Ковалев	Александр Степанович Мартынов (1933–2013) (<i>И.Ф. Попова</i>)	322
О.В. Мажидова		
О.В. Волкова		
А.Е. Танчарова		
Е.А. Пронина		
© Российская академия наук, 2013		
© Институт восточных рукописей РАН, 2013		

**Александр Степанович Мартынов
(1933–2013)**

15 декабря 2013 г. после продолжительной болезни скончался Александр Степанович Мартынов — выдающийся отечественный китаевед, один из создателей отечественной школы изучения традиционной идеологии стран Дальнего Востока, талантливый и необычайно яркий человек.

Он родился 2 октября 1933 г. в Ленинграде в семье служащих, военные годы провел в деревне Пески Осташковского района Калининской (Тверской) области, на малой родине своих родителей. В 1952 г., окончив среднюю школу, поступил на отделение китайской филологии Восточного факультета Ленинградского государственного университета и с отличием окончил его в 1957 г. с дипломной работой по теме «Понятие *вэнь* в старом китайском литературоведении». В том же году А.С. Мартынов выдержал экзамены и был принят в аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Специальность, которую А.С. Мартынову предстояло освоить в аспирантуре, — тибетская филология. Проявив уже в студенческие годы исследовательский интерес к классической филологии и духовной культуре Китая, он увлекся и проблемой взаимоотношений имперского центра и некитайской периферии в древности и средние века. Под руководством В.С. Воробьева-Десятовского он изучал в Университете тибетский язык.

Ориентированность Мартынова на тибетологию была связана с необходимостью укрепить это традиционное для петербургско-ленинградской школы классического востоковедения направление в Ленинградском отделении Института народов Азии (как в 1960–1968 гг. назывался ЛО ИВ АН) молодыми кадрами. В сентябре 1956 г. сотрудники ЛО ИНА старшего поколения К.М. Черемисов и Б.И. Панкратов по заданию администрации Отделения составили докладную записку о перспективах возрождения тибетологии в стенах Института. В ней были перечислены тибетские памят-

ники из собрания ЛО ИНА и работы тибетологов предшествующих поколений, нуждающиеся в издании, а также был поднят вопрос о возобновлении каталогизации тибетского фонда ЛО ИНА¹.

Тема кандидатской диссертации А.С. Мартынова — историческая, первоначально она была сформулирована как «Тибетско-непальский конфликт и война Китая с Непалом 1791–1792 гг.». В отзыве Б.И. Панкратова, научного руководителя А.С., от 15 апреля 1960 г. было указано, что «А.С. Мартынов специализируется в области тибетской филологии и истории»². Кандидатская диссертация А.С. Мартынова была обсуждена на заседании Дальневосточного кабинета ЛО ИНА и признана завершённой 21 ноября 1960 г., а спустя месяц, 22 декабря 1960 г., он был зачислен в Институт на должность младшего научного сотрудника.

Первые опубликованные статьи А.С. Мартынова были посвящены отдельным конкретным вопросам истории китайско-тибетских взаимоотношений в период, непосредственно предшествовавший завоеванию Тибета династией Цин. При этом с самого начала молодой исследователь ставил и пытался найти ответы на основополагающие вопросы о природе и сущности императорской власти в Китае.

В период, когда Александр Степанович начинал свой путь в науке, руководство Академии наук поставило перед ЛО ИВ задачу ввести в науку большое количество рукописных памятников из собрания Института, а также продолжить исследования «в области истории докапиталистических формаций на Востоке»³. Был составлен план описания коллекций, созданы группы по каталогизации фондов, в том числе и так называемая Дуньхуанская, работавшая в Институте под руководством Л.Н. Меньшикова с 1957 г.

В 1962 г. Мартынов был включен в состав группы по обработке дуньхуанского фонда и стал одним из авторов «Описания...»⁴. Как позже признавался сам Александр Степанович, данная работа не вполне соответствовала его характеру и темпераменту, но первые серьезные сведения по китайскому буддизму, простонародному и элитарному, он приобрел именно тогда. В 1966–1967 гг. А.С. Мартынов принимал участие в инвентаризации тибетской части рукописного фонда из Хара-Хото (Внутренняя Монголия, КНР), составлял инвентарь тибетского фонда, список китайских и маньчжурских картографических материалов ЛО ИНА.

Следует отметить, что А.С. в силу своей обязательности не отказывался от не всегда радовавшей его общественной работы: с октября 1962 по март 1965 г. он выполнял обязанности ученого секретаря Дальневосточного кабинета; многие годы принимал участие в работе городского лектория; с 1969 по середину 1980-х годов был народным заседателем суда Дзержинского района г. Ленинграда.

Притом что А.С. Мартынов не торопился с защитой диссертации и с формальным получением степени кандидата наук, он с первых своих лет в науке был очень активен как исследователь, выделяясь этим даже на фоне своих коллег по Институту, среди которых было немало замечательных ученых. Он постоянно апробировал результаты своих размышлений на заседаниях Годичных сессий ЛО ИВ АН, публиковал очень ёмкие статьи в сборниках «Письменные памятники и проблемы истории

¹ Воробьева-Десятовская М.И., Савицкий Л.С. Тибетоведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 175.

² Личное дело А.С. Мартынова в Архиве востоковедов ИВР РАН. Л. 26.

³ Бертельс Д.Е. Введение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 70.

⁴ Воробьева-Десятовская М.И., Зограф И.Т., Мартынов А.С., Меньшиков Л.Н., Смирнов Б.Л. Описание китайских рукописей Дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 2 / Под ред. Л.Н. Меньшикова. М.: Наука, ГРВЛ, 1967.

культуры народов Востока»; в 1970 г. принял участие в научной конференции «Общество и государство в Китае», впервые организованной Институтом востоковедения в Москве, и затем был ее постоянным участником вплоть до 1993 г.

Отталкиваясь от исследования взаимоотношений Китая с внешним миром, А.С. Мартынов выделил основные категории и принципы, на которых строилась идеология этих взаимоотношений. Дальнейший анализ позволил ему разработать оригинальную методологию изучения структуры китайской императорской власти как универсальной, мироустроительной, распространявшейся не только на общество, но и на космос в целом. Принципиально новым в этом подходе было то, что государство как бюрократическая система не рассматривалось им в качестве основного элемента в структуре представлений о власти. Главным элементом в имперской идеологии А.С. считал не совпадавший с конфуцианским мировоззрением комплекс идей, связанных с ритуалом монархии. В своих ранних теоретических работах А.С. Мартынов стремился показать, что такой стереотип мог действовать в традиционных обществах Дальнего Востока как вполне реальная программа политического действия.

Все свои теоретические построения А.С. Мартынов основывал на глубоком анализе письменных памятников. За скрупулезным выявлением и определением точного значения основных терминов в китайских политических текстах стояло стремление адекватно интерпретировать с помощью категорий современной мировой науки содержание политической доктрины императорского Китая. Первые итоги своей работы по реконструкции понятийного аппарата официальной идеологии традиционного Китая Мартынов обобщил в начале 1970-х годов в двух пространственных статьях⁵, одна из которых — «Сила дэ монарха» в переработанном виде вошла в главу «Основные группы терминов традиционной китайской политической теории» его монографии⁶. Основу монографии составил текст диссертации А.С. Мартынова «Статус Тибета в XVII–XVIII вв. в традиционной системе китайских политических представлений», защищенной на Восточном факультете ЛГУ 18 декабря 1975 г. Монография, на конкретном материале китайско-тибетских взаимоотношений показавшая практическую применимость традиционной китайской политической идеологии, подвела итог первого этапа научной деятельности ученого.

В 1982 г. увидел свет сборник «Буддизм, государство и общество», первый опыт редакторской работы А.С. Мартынова. Книга начиналась его предисловием, обобщавшим выводы авторов сборника о многообразии взаимоотношений пришедшего на Дальний Восток извне буддизма и местной традиции. Развивая идею о сакральном характере власти, Мартынов отмечал, что ни в одном из государств Восточной Азии буддизм не стал основной религией, поскольку власть здесь лишь использовала все бытовавшие религиозные верования для поддержания общественного порядка и не допускала преобладания ни одного из них над государством. В том же сборнике была помещена статья А.С. Мартынова⁷, посвященная проблеме, которая все более занимала его с конца 1970-х годов, а именно: соотношению официальной китайской идеологии с духовным миром конфуцианской личности. На примере воззрений ряда ярких мыслителей традиционного Китая, в первую очередь Чжу Си и Су Дун-по, А.С. Мартынов исследовал в своих работах особенности конфуцианской мысли, развив-

⁵ Мартынов А.С. О двух рядах терминов в китайских политических текстах // ППВ. Ежегодник 1969. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С. 343–352; *он же*. Сила дэ монарха // ППВ. Ежегодник 1971. М.: Наука, ГРВЛ, 1974. С. 341–387.

⁶ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII вв. М.: Наука, ГРВЛ, 1978.

⁷ Мартынов А.С. Буддизм и конфуцианство (Су Дун-по и Чжу Си) // Буддизм, государство и общество. М., 1982.

шиеся под влиянием идей буддизма и даосизма, показал самодостаточность (персонализм) и в то же время жесткую социальную ориентированность конфуцианской личности.

Тонкое понимание внутреннего мира средневекового китайского интеллектуала стало возможным прежде всего благодаря умению А.С. Мартынова работать с текстами самого разного содержания и различных жанров — философскими, политическими, литературными сочинениями, эпиграфическими и эпистолярными источниками. Разгадать значение и ценность личности в системе дальневосточной цивилизации ему позволили яркий талант филолога и всестороннее знание не только китайской, но и европейской культуры, ориентированной на признание бесконечной ценности личности. Китайская культура всегда рассматривалась А.С. Мартыновым как часть общемировой. Александр Степанович хорошо знал и прекрасно разбирался и в русской, и в европейской (классической и современной) литературе. Он ориентировался в новейших достижениях филологической мысли XX в., не замыкаясь при этом на востоковедении: в своих статьях и всегда очень ярких устных выступлениях Александр Степанович демонстрировал не поверхностное знакомство с идеями М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Л.Я. Гинзбург и др.

Мартынову удалось глубоко исследовать, в частности, проблему эстетизма средневекового китайского конфуцианца, который самой системой экзаменов вынужден быть и литератором. Вместе с тем внутренняя духовная жизнь носителя официальной китайской культуры рассматривалась как неразрывно связанная с государственной службой. В дальнейшем, отталкиваясь от данного положения, Мартынов вышел на ряд серьезных обобщений, касавшихся содержания и структуры китайской духовной культуры в целом. Он сумел сформулировать важнейшие ее постулаты, влиявшие на художественное слово, живопись, музыку и др. Александр Степанович обратил внимание на существование «несомненного изоморфизма в традиционной китайской культуре», в самых разных ее сферах, включая политические доктрины, философские концепции и изящную словесность⁸. Традиционная китайская идеология, которая по большому счету никогда ничего не отвергала на протяжении всей своей истории, покоилась на комплексе категорий, зародившихся в глубокой древности. Исследованные в работах А.С. Мартынова контентно ёмкие и многозначные категории благопристойности (*ли*), гуманности (*жэнь*), добродетели (*дэ*), верности (*чжун*), искренности (*чэн*), истинности (*синь*) и др. прошли через всю историю традиционной китайской идеологии, обеспечивая ей преемственность и жизнеспособность и в то же время претерпевая многие интерпретации, по-разному акцентировавшие, расширявшие и углублявшие их содержание.

В конце 1980-х — 1990-е годы Мартынов публикует ряд обширных статей, в которых находят развитие заложенные в его предшествующих работах важнейшие идеи, связанные с характером полифункциональности и эстетизма китайского ритуала в сфере внешнеполитических сношений, соотношением нормативности и новаций в имперской идеологии Китая, связи конфуцианской традиции с государственной организацией, с общей оценкой этической роли конфуцианства в культуре императорского Китая и др. Важной темой в научном творчестве А.С. Мартынова остаются взаимоотношения буддизма и государства. Высокая исследовательская культура А.С. Мартынова нашла проявление во внимательном его отношении к работам своих коллег-китаеведов: им было опубликовано более десятка рецензий на научные труды самого разного содержания.

⁸ А.С. Мартынов. Несколько замечаний о комплексе «Небо — Земля» в китайских художественных, политических и философских текстах // Литературы стран Дальнего Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1979. С. 28.

Изученные на материале китайских источников системы ценностей, ритуалов, идей, моделей и категорий со временем воплотились в собственное целостное представление о духовной культуре Китая. В предисловиях и комментариях, сопровождающих опубликованные им в начале 2000-х годов переводы китайской классики, А.С. Мартынов анализирует комплекс идей раннего конфуцианства, а также дает комплексную характеристику философской системы неоконфуцианства. Он убедительно показывает, что с началом неоконфуцианского этапа в китайской идеологии «центр философского размышления бесповоротно перемещается из временного измерения в пространственное: конфуцианец размышляет преимущественно не об опыте предшествующих эпох, а о характере своего собственного сознания»⁹.

В тематику исследований А.С. Мартынова входила и история формирования китайской границы. С 1 декабря 1986 г. Александр Степанович трудился в должности ведущего научного сотрудника ЛО ИВ АН и главы входящей в Сектор источниковедения и историографии Китая и Центральной Азии Танской группы, задачей которой был перевод географических разделов «Новой истории династии Тан» («Синь Тан шу»). С 27 января 1992 г. он — заведующий Сектором ИИКиЦА. После того как этот Сектор в декабре 2003 г. вошел в состав Сектора Дальнего Востока СПбФ ИВ РАН, Мартынов стал заведовать Сектором ДВ. С 1 сентября 2007 г. по личной просьбе он оставил эту должность и работал в Институте уже как старший и ведущий научный сотрудник.

С 1990 г. А.С. Мартынов преподавал в вузах Санкт-Петербурга: в Восточном институте он вел спецкурсы «Три учения (*сань цзяо*)» и «Традиционный китайский эстетизм», позже в СПбГУ читал курсы «Введение в синологию», «Семиотика и культура» и др.

В Китае Александру Степановичу довелось побывать лишь дважды: в 1989–1990 гг. в течение года и затем в сентябре 2003 г. в течение одной недели.

Благодаря незаурядному таланту ученого, широкой эрудиции, уникальным познаниям, глубокому и яркому исследовательскому уму А.С. Мартынов создал целый ряд работ, которые вошли в золотой фонд отечественного китаеведения и нашли широкое признание не только среди востоковедов, но и исследователей самого широкого гуманитарного профиля.

И.Ф. Попова